

Е. В. Алексеева
**ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТИРА:
РОССИЯ И ИСПАНИЯ НА ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-81-88

УДК 94(470+460)“18”

ББК 63.3(2+4Исп)52

Автор выявляет специфику российского и испанского фронтиров, контактировавших на Тихоокеанском побережье Северной Америки в первые десятилетия XIX в. На основе инструкций, донесений, записок, дневников мореплавателей, дореволюционных публикаций и со временных работ сопоставляются характерные черты российского и испанского пограничья, выявляются особенности российской и испанской колонизации. Исторические документы свидетельствуют о том, что международная ситуация и природные условия располагали к расширению русской колонизации в направлении Калифорнии, а испанский фронтир характеризовался слабой резистентностью перед встречным экспансионистским натиском. Российскую и испанскую модели колонизации сближало государственное небрежение насущными нуждами отдаленных колоний (увеличение численности колонистов, создание благоприятных условий жизни и деятельности, поддержка развития разнообразных производств, расширение региональной торговли и др.). Результатом стала практически одновременная потеря двумя государствами американских территорий. Промысловый императив катализировал продвижение Российско-Американской компании на юг, в направлении Калифорнии, ставшей пределом восточной экспансии Российской империи. Испанская колонизация имела выраженный военный, миссионерский, земледельческий характер. Несмотря на ограниченность успехов в переходе от примитивных присваивающих форм экономики к аграрному производству, коммерческим отношениям, в российском и испанском случаях это были шаги в направлении модернизации, реализуемой через диффузию новых технологий и культурных ценностей западноевропейского происхождения.

Ключевые слова: *фронтирная модернизация, Русская Америка, Испания, Калифорния, особенности колонизации*

Великие географические открытия стали прологом Нового времени и двигателем эпохи модернити. Еще в 1950-е гг. А. В. Ефимов расширил это понятие, показав, что открытия, совершенные на Востоке, не уступают сделанным на Западе по значению и влиянию на ход мировой истории.¹ Освоение периферийных территорий европейскими нациями в Новое время — яркий маркер мирового модернизационного процесса. Расширяя классическую концепцию Ф. Дж. Тёрнера о подвижной границе, И. В. Побережников определяет модернизацию в условиях незавершенного освоения как фронтирную, разрабатывает модель рос-

сийских фронтиров,² полезную и для исследования пределов российской колониальной экспансии в Русской Америке.

Русское продвижение на восток и американский фронтир начали активно сопоставляться в 1990-е гг.³ Фронтирный подход применительно к русскому освоению Америки был впервые обоснован в 1989 г. и развит в последовавших публикациях, в том числе в специальной монографии.⁴ Компаративное

¹ См.: Ефимов А. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 22.

Алексеева Елена Вениаминовна — д.и.н., профессор РАН, в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: alekseeva167@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00427 «Фронтирная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» (рук. И. В. Побережников)

² См.: Побережников И. В. Модель фронтирной модернизации в истории России: концептуальная интерпретация // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 16–27.

³ См.: Meeting of Frontiers. URL: <http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/mfdigcol.html> (дата обращения: 04.05.2018); Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII вв.: очерк сравнительной истории колонизации. СПб., 2010; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Новосибирск, 2001; Агеев А. Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002.

⁴ См.: Алексеева Е. В. Восточный фронтир // Проблемы выявления и сохранения памятников истории освоения Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1989. С. 21–24; Она же. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998.

изучение испанского и российского колониальных процессов, способствуя расширению «границ» российско-американской «фронтирной парадигмы», эвристически полезно для понимания национальной специфики фронтирной модернизации, актуально в контексте анализа исторического опыта освоения периферийных территорий, выявления причин отказа от продолжения колонизации и ее результатов.

Испания с начала XVI в. осуществляла успешную экспансию в Америке, создав колонии от Чили до Калифорнии. Однако к началу XIX в. государство в силу ряда внутренних и внешних причин ослабло. Прогноз известного мореплавателя М. П. Лазарева о смене испанской гегемонии английской, а затем американской⁵ реализовался в короткой исторической перспективе: испанская Верхняя Калифорния, после того как Мексика в 1821 г. получила независимость, вошла в нее как территория, а в 1848 г. по договору Гвадалупе-Идальго отошла к США. Колонизация северо-западного побережья Северной Америки шла под эгидой монопольной Российско-Американской компании (РАК). К 1867 г. (году продажи Аляски США) в 15 поселениях Русской Америки насчитывалось около 30 тыс. коренных жителей, 2 тыс. креолов, 800 русских.⁶

Русский фронтир вплотную сошелся с испанским в Калифорнии. А. Швецов и Т. Тараканов прибыли в Сан-Диего в конце 1803 г. во главе промысловой партии алеутов и эскимосов Южной Аляски — непревзойденных охотников на калана, чья страсть «к ловле бобров... может быть сравнена только со страстью кошек ловить мышей».⁷ На Аляске и Алеутских островах морской промысел составлял экономическую основу русской колонизации, в Калифорнии же он ей предшествовал: в 1803–1812 гг. состоялось 11 совместных российско-американских экспедиций.⁸ В ходе пребывания в Калифорнии в 1806 г. один из учредителей РАК, камергер двора Н. П. Резанов, установил дипломатические и торговые отношения с администрацией местных испан-

ских поселений.⁹ Ответы на вопросы об особенностях национальных фронтиров, о соотношении русского и испанского колониального опыта дают русские документы о поселениях на Аляске, колонии Росс, российско-калифорнийских связях первых десятилетий XIX в.

Фронтир как передовой рубеж колониального движения, разграничивающий / связывающий ранее освоенные и находящиеся в процессе начальной колонизации территории, продуктивно рассматривать в русле концепции диффузионизма, т. е. как фронт распространяющейся культурной волны. Россияне встретились в Калифорнии с индейцами, которые, как и народы Аляски, расписывали лица, татуировали кожу, носили в ушах и носу украшения из костей и раковин, плели домашнюю утварь из корней, питались сырой рыбой, ракушками, толчеными семенами и кореньями, были вооружены луком и стрелами. Калифорнийские индейцы — более многочисленные и менее воинственные, чем туземцы Аляски, — уступали им в физическом развитии.¹⁰

Среди элементов русского культурного круга, проникавших со второй половины XVIII в. из России на американское побережье, — огнестрельное оружие, продукты питания и техники их получения, ремесленные технологии и изделия, судостроение и мореходство, бревенчатые постройки, орудия труда, система администрирования, quasi-товарно-денежная система, православие, письменность, одежда европейского покроя. «В американцах развился род роскоши, они любят сукно, шелковые платки... одевается (алеут — Е. А.) как русский для того, что чувствует превосходство нации, к ним водворившейся; подражает ему, потому что возвышается дух его; он гордится своею удачею и между тем сближается характером».¹¹ До прибытия европейцев индейцы Калифорнии «не имели другой одежды, как звериные шкуры... теперь они меняют свои меха на европейские изделия, как-то: сукно, фриз, одеяла, ножи, топоры, сарачинское пшено, табак, патоку... без чего, как кажется, они не могут... уже... обойтись».¹² Инновации нашли отражение в языке, став

⁵ См.: Лазарев М. П. Документы. М., 1952. Т. 1. С. 43.

⁶ См.: Агранат Г. А. Первые полвека американского господства на Аляске // Летопись Севера. М., 1962. Т. 3. С. 223.

⁷ Литке Ф. П. Из дневника, веденного во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка». Посещение Калифорнии. 4–28 сентября 1818 г. // Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850. М., 2005. Т. 1. С. 281.

⁸ См.: Истомин А. А. Совместные русско-американские промысловые экспедиции в Калифорнию (1803–1812) // Вопр. истории. 1998. № 8. С. 105–113.

⁹ См.: Донесение Александру I от Н. Резанова. Порт Ново-Архангельск, 17 июня 1806 г. Библиотека Конгресса США. Отдел рукописей. Коллекция Г. Юдина.

¹⁰ Донесение Н. П. Резанова министру коммерции графу Н. П. Румянцеву о плавании в Калифорнию и положении дел в русских колониях. Ново-Архангельск, 17 июня 1806 г. // Россия в Калифорнии... С. 153.

¹¹ Россия в Калифорнии... С. 155.

¹² Лазарев М. П. Указ. соч. С. 33.

частью местного культурного наследия. И напротив, русские собирали «сколько возможно более наименований разных вещей» для составления словаря языков местных народов. Отец Иннокентий изучал языки аборигенов Аляски, перевел и проповедовал на алеутском языке Св. Писание.¹³ Поэтому подход испанцев к христианизации калифорнийских индейцев вызывал удивление. Так, М. П. Лазарев писал: «Мы не могли понять, как эти монахи могли толковать своим неофитам о христианской религии, когда те почти не понимают испанского языка, а служба католиков производится на латинском диалекте».¹⁴

В поисках новых земель Россия сталкивалась с интересами других наций и местных племен. Признаком «фронтирных» территорий является милитаризация, размещение фортификационных сооружений.¹⁵ Ново-Архангельская крепость, «стоя на высоком месте и будучи обнесена толстым палисадом с деревянными башнями, служащими вместо бастионов», снабженная пятью десятками различных орудий, была «страшна и неприступна для диких жителей». В селении имелись магазины, казармы, мастерские, вне крепости — церковь, жилые дома, верфь.¹⁶ Аналогичная модель создания укрепленных поселений реализовывалась при продвижении на юг.¹⁷ С согласия местных индейцев, севернее залива Сан-Франциско под руководством И. А. Кускова в 1812 г. была основана крепость, обнесенная деревянными стенами с двумя бастионами и «по вынужденному жребию, положенному перед иконой Спасителя», названная Россом.¹⁸ В четырехугольном палисаде из высоких бревен с двумя башнями под защитой 13 пушек располагался дом начальника, казармы, магазины, за его пределами — «баня, скотные дворы, сараи, кладовые, поварни, различные мастерские и другие постройки», церковь, пекарня, дома для алеутов и индейцев.¹⁹ К 1818 г. гар-

низон состоял из 26 русских и 102 алеутов.²⁰ Форт Росс обозначил самый дальний восточный фронт Российской империи, просуществовавший без малого три десятилетия. К 1841 г. — времени продажи русских владений в Калифорнии — он включал селение и крепость Росс, Порт Румянцева, три ранчо (фермы), на протяжении нескольких десятилетий — промысловую артель на Фараллонских островах. Население колонии в Калифорнии не превышало 300 человек, состояло из русских (не доминировавших численно), алеутов, креолов, местных индейцев и др.²¹

Предпринимался поиск занятий, альтернативных морскому промыслу. Помимо мелких судов, в бухте форта в 1816–1824 гг. было построено несколько 160- и 200-тонных бригав. Развивалось кирпичное, кожевенное, салотопное, мукомольное, бондарное производство, было налажено изготовление лодок, инструментов, утвари.²² Многопрофильная (хотя и не крупномасштабная) деятельность русских колонистов сильно отличалась от «крайней лениности» испанцев, отмечаемой современниками.

Основным занятием, смыслом существования колоний был пушной промысел, однако мысль К. И. Зубкова о том, что по-настоящему прочное утверждение России на обширном евразийском пространстве могло состояться только на базе аграрного способа хозяйствования,²³ в существенной степени верна и для американских территорий. Поселения в Калифорнии колонисты основывали в стремлении развить сельское хозяйство: «обитателей тутошних, показывая, приобучали» огородничеству, выращиванию пшеницы и ячменя, разведению свиней, баранов, коз, надеясь, что со временем «произойдет успех в пользу человечества».²⁴ Уже в мае колонисты лакомились свежей клубникой,²⁵ овощи давали урожай в апреле и октябре, достигая гигантских размеров (редька могла весить более 16 кг) и высокой урожайности (из одного клубня в порте Румянцева вырастало 180–200 картофелин).²⁶ «Сей край ни в чем на свете не имел бы недостатка, если бы были только

¹³ См.: Вениаминов И. Указание Пути в Царствие Небесное. М., 1840.

¹⁴ Лазарев М. П. Указ. соч. С. 44.

¹⁵ См.: Реконструкция мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М., 2017. С. 131.

¹⁶ См.: Головнин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка». М., 1965. С. 140.

¹⁷ См.: Инструкция А. А. Баранова И. А. Кускову об экспедиции в Новый Альбион. Ново-Архангельск, 18 января 1811 г. // Россия в Калифорнии... С. 215.

¹⁸ Потехин В. Селение Росс // Журн. мануфактур и торговли. Октябрь. СПб., 1859. Отд. IV. С. 10.

¹⁹ См.: Черницын Н. А. Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков // Летопись Севера. М., 1962. Т. 3. С. 115.

²⁰ См.: Головнин В. М. Указ. соч. С. 175.

²¹ См.: Россия в Калифорнии... С. 16.

²² Там же. С. 49.

²³ См.: Зубков К. И. Евразийский вызов в формировании российской цивилизации // Урал. ист. вестн. 2018. № 2 (59). С. 19, 20.

²⁴ Россия в Калифорнии... С. 220, 221.

²⁵ См.: Письмо И. А. Кускова К. Т. Хлебникову. Росс. 18 мая 1819 г. // Россия в Калифорнии... С. 320.

²⁶ См.: Головнин В. М. Указ. соч. С. 178.

люди», — отмечал Ф. П. Литке.²⁷ Кроме нехватки людей и специальных знаний, сложный рельеф местности, частые туманы, малое количество пашенной земли делали сельское хозяйство русских в Калифорнии малопродуктивным, а «огородничество и садоводство в Россе, при всем обилии овощей и фруктов, за невозможностью сбыть их, не приносило никакой выгоды компании».²⁸

Помимо решения промысловых и сельскохозяйственных задач, колонию Росс создавали с намерением продвижения в более благоприятные южные широты, чему должна была способствовать торговля. Испанская Калифорния изобиловала пшеницей, маслом, мылом и скотом, но была очень заинтересована в мануфактурных товарах.²⁹

Особенностью русской колонизации была установка на привлечение туземцев на сторону русских «наивозможно миролюбивыми и дружественными видами и приемами».³⁰ Конфликты были неизбежны, от них серьезно страдали обе стороны, но политика и практика взаимоотношений нацеливали на мир. Русские доверяли индейцам «часто разные вещи... и даже... вступают в супружество с их дочерьми. Такое благоразумное поведение И. А. Кускова скоро показало жителям разность между двумя народами — русскими и испанцами. По мере привязанности их к русским, индейцы почитают их как друзей и братьев, увеличивалась их ненависть к испанцам, кои считают индейцев не лучше скотов».³¹

В отличие от русских промышленников, в погоне за каланом сдвигавших границу колоний на юг, основными акторами испанской колонизации Калифорнии были военные и францисканские монахи, а продвижение фиксировалось двумя типами поселений. В миссиях — маленьких, однотипных по постройкам городках сосредоточивались крещеные в католичество местные индейцы, которых солдаты отлавливали, а монахи принуждали трудиться на полях и выполнять хозяйственные работы. Расположенные неподалеку президио являлись крепостями, в которых проживали солдаты.

Миссий в 1818 г. было 20.³² Например, в миссии Св. Франциска размещались покои миссионеров, церковь, сальный завод, ткацкие помещения, жилища индейцев, кухни, кузницы, мастерские, магазины. К строениям примыкали огороды, миссию окружали поля, их возделывали 1 200 неопитов. В 1818 г. крещеных индейцев насчитывалось всего около 15 тыс.³³ Испанские поселения отличались от русских, расположенных на севере, своим порядком и «беспримечательной чистотой», что объяснялось размерами, количеством работников, благоприятным климатом.³⁴

Президио «есть ни что иное, как большой двор, окруженный низким каменным четверугольным строением, в коем заключается церковь, школа, лавки, казармы, конюшни, мастерские и квартиры всех здешних служащих — от губернатора до солдата. Голая стена, несколько кукол, представляющие святых, стол, дубовая скамья — вот вся их мебель».³⁵ В отличие от миссий, президио отталкивали своей неряшливостью: даже у чиновников «нет ни у кого огородов, ни одного фруктового дерева не посажено, ни одного цветка у себя не разводят... все их занятия, кажется... спать... либо по несколько часов стоят у дверей своей казармы и, кажется, скучают своею жизнью».³⁶ Испанские президио в Новой Калифорнии включали Монтерей, Сан-Франциско, Сан-Диего, Санта-Барбару (все они являлись портами). Например, «Монтерей... белый, каменный, выштукатуренный квадрат», «внутри же совершенная тишина и безмолвие». Сравнимая расположенные на прекрасной земле, но сонные поселения испанцев с русскими, Ф. П. Литке отмечал, что «Петропавловская гавань, несмотря на все невзгоды своего положения, втрое живее Монтерея».³⁷

Порт Сан-Франциско в 1806 г. насчитывал не более 70 военных, но ни одной лодки. Строения из необожженного кирпича, покрытые травой, стояли без стекол. «Стеклянный завод ежели будет устроен у нас, то посредством Калифорнии

²⁷ Литке Ф. П. Указ. соч. С. 295.

²⁸ Потехин В. Указ. соч. С. 28, 29.

²⁹ См.: Письмо коменданта миссии Сан-Висенте Х. М. Руиса А. А. Баранову. Сан-Висенте. 8 июня 1813 г. // Россия в Калифорнии... С. 234.

³⁰ Россия в Калифорнии... С. 215.

³¹ Головин В. М. Указ. соч. С. 181.

³² См.: Матюшкин Ф. Ф. Из журнала кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головина. Посещение Калифорнии. Сентябрь 1818 г. // Россия в Калифорнии... С. 305.

³³ См.: Литке Ф. П. Указ. соч. С. 278.

³⁴ См.: Россия в Калифорнии... С. 156.

³⁵ Там же. С. 306.

³⁶ Васильев М. Н. Заметки о Калифорнии (из фрагментарных черновых записок о кругосветном плавании шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» в 1819–1822 гг.) // Россия в Калифорнии... С. 349.

³⁷ Литке Ф. П. Указ. соч. С. 283.

в первый год окупится», — подмечал перспективу стекольного производства в Русской Америке дальновидный Резанов.³⁸ Поселение укреплял лишь небольшой земляной вал, за которым стояли пушки.³⁹ Вся военная сила Новой Калифорнии не превышала 400 человек. Во внутренних территориях инвалиды вместе с семьями, индейцами и переселенцами из Мексики и Европы занимались хлебопашеством.⁴⁰

Очевидным преимуществом поселений в Калифорнии был климат. Урожай зерновых достигал сам-10–сам-70,⁴¹ росли фрукты и виноград, в Санта-Барбаре плодоносили апельсины.⁴² Это разительно контрастировало с условиями Аляски и Алеутских островов, где проливные дожди с осени и до января были «скучны и несносны», а снег лежал до мая, что терпели непривычные уроженцы суровой России, испанцы же говорили: «...это климат чертям, а не людям жить».⁴³

Производным от климатических условий была одежда местных жителей. Если в испанской Калифорнии одежда крещеных индейцев состояла из одного сараба и шерстяной опояски, а ходили они босиком, то в русских колониях, напротив, «американцы одеты и обуты; иные имеют... капоты и сюртуки... шаровары и торбаса, дабинные рубашки и исподнее платье... наши одеты лучше, несмотря, что скотоводства не имеем».⁴⁴

Важнейшим фактором колонизации американских территорий и аккультурации местных жителей было миссионерство. Христианизация коренного населения в Русской Америке и в испанских колониях оставалась поверхностной и неравномерной. «Наши американцы выучены правильно крест класть, калифорнские наизусть три священные стиха знают, но успехи в религии у обоих народов одинаковы. Истинная мораль ее забыта». В отличие от просвещенных, окончивших коллегии испанских падре, православное духовенство, представленное монашеским чином, «весьма не у места здесь девственность проповедующим», «едва не из безграмотных крестьян» делалось пастырями душ человеческих.⁴⁵

Противоположные последствия имели различные подходы испанцев и русских к питанию аборигенов. Испанские миссионеры кормили «своих американцев» три раза в день, читая перед едой молитвы, которые неофиты, стоя на коленях, повторяли. Хорошее — по европейским меркам — питание индейцев имело, тем не менее, плачевные результаты: употребление непривычных продуктов вело к росту заболеваемости и смертности. По признанию губернатора Калифорнии Х. Арильи, в Старой Калифорнии «все индейцы вымерли, миссии опустели и что и здесь того же ожидать надлежит, ибо... со времени учреждения в Новой Калифорнии миссий две пятых части индейцев уже истребилось». Учитывая этот опыт, Резанов полагал, что «наших американцев всегда должно содержать на юколе, рыбе, китовине, жирах, бурдуке, ягодах и тому подобном, не отходя ни мало от сродной им пищи». Существенная разница была и в добывании этой пищи. Найти пропитание, зааркавив дикого быка, на калифорнийских просторах не представляло трудностей, но в русских колониях «юколу, китовой жир, ягоды, сарану и прочее с великими трудами припасать должно». «...В прокормлении наших американцев осуждены мы на большие труды и попечение, и я посмотрел бы хозяйства калифорнских миссионеров в нашем севере!» — восклицал Резанов.⁴⁶

Испанцы содержали и кормили туземное население, но в моральном смысле это был лишь чистый и прибранный «скотный двор», в котором расчетливый «хозяин их так же, как быков, лелеет». Труд индейцев не оплачивался, они были пожизненными рабами. Пойманные арканом, «подобно животным, индейцы подобно же им и содержатся... ни один из индейцев не знает грамоте... их бьют за всякую безделицу».⁴⁷ В противовес испанским методам, из русских американцев «одни каюры отягощены работами», но все «американцы пользуются совершенною свободою». Впрочем для русских колонистов, состоявших в основном из «буйных и развратных людей», приоритетом была «мягкая рухлядь»,⁴⁸ в результате «истреблением людей мы без всякого фанатизма не менее гишпанцев отличались».⁴⁹

Испанцы пытались наладить медицинскую помощь, но Резанов отмечал, что во всей Кали-

³⁸ Россия в Калифорнии... С. 142.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 140.

⁴¹ См.: Черных Е. Л. О земледелии в Верхней Калифорнии // Журн. сельского хозяйства и овцеводства. 1841. № 1. С. 234–265.

⁴² См.: Россия в Калифорнии... С. 153.

⁴³ Там же. С. 157, 158.

⁴⁴ Там же. С. 157.

⁴⁵ Там же. С. 153–155.

⁴⁶ Там же. С. 157.

⁴⁷ Литке Ф. П. Указ. соч. С. 279.

⁴⁸ Россия в Калифорнии... С. 156.

⁴⁹ Там же. С. 161.

форнии был только один малоквалифицированный лекарь. Однако русские колонии были «еще в горшем положении, ибо у нас совершенно уже ничего нет». ⁵⁰ Госпиталь и школы со временем появились в Ново-Архангельске, но Главное правление РАК, определяя общее направление развития Росса, предписывало не заводить там училища, чтобы не возбуждать подозрений испанцев. ⁵¹ Резанов признавал, что у испанцев «все меры... еще слабы», но есть начало, законы, порядок, правление, дисциплина, «земли сии... просвещенной державы, но несчастная параллель наших заведений, к стыду Отечества, представляет единый позор нашему времени... больно описывать, что происходит здесь». ⁵²

Для российской и испанской короны американский фронт был очень отдаленной территорией, что создавало серьезные трудности в коммуникации и управлении. В испанской Калифорнии губернатор и коменданты периодически объезжали с инспекцией поселения и посылали вице-королю годовые отчеты. Резанов в 1806 г. стал первым государственным чиновником, инспектировавшим русские колонии. ⁵³ Если испанцы получали почту из Европы официально каждый месяц, а благодаря торговле и чаще, то российские колонии в Америке в этом смысле «не в новом, но точно как бы на том свете находятся». ⁵⁴ Повседневное управление обширными и слабозаселенными колониями шло из Ново-Архангельска, в то время как стратегическое руководство Русской Америкой осуществляло из Петербурга Главное правление РАК. Испанские колонии в Старой и Новой Калифорнии управлялись до 1806 г. одним губернатором, затем каждая территория — отдельно, губернаторы подчинялись вице-королю Новой Испании, находившемуся в Мексике.

Испанское правительство мало способствовало экономическому развитию Калифорнии. Настойчивость Резанова в вопросе развития торговых отношений стала толчком для губернатора Калифорнии к возобновлению предложений испанскому правительству, «которые

по отдаленности места» не только не поддерживались, но и получали отповедь министра: «Уж эта Калифорния проклятая земля, от которой ничего нет кроме хлопот и убытку». ⁵⁵ Испанцы слабо интересовались исследованием своих колоний. Русские, напротив, организовывали много экспедиций, открыв и нанеся на карту реки, горы, заливы, месторождения природных ископаемых.

Камергер двора Н. П. Резанов стремился убедить ревностных испанцев в том, что русское правительство не желало дальнейшей экспансии: «...владения монарха моего в севере заключают неисчерпаемые источники богатств в мягкой ружьяди... южные части Америки не нужны ей». ⁵⁶ Для испанцев и русских конкурентную опасность представляли бостонцы, занимавшиеся контрабандой вдоль побережья, искавшие возможности водвориться на нем. ⁵⁷

Великолепно понимая узкие места и широчайшие перспективы развития американских территорий, Резанов считал торговлю с Калифорнией («выгодно может она производиться по малой мере на миллион рублей») для России самой полезной «в целом свете». Призывая министра коммерции Н. П. Румянцева с высоты государственного положения отнестись к территориям, обещающим обширные выгоды, он сравнивал перспективы российского продвижения в Калифорнии с успехами колонизации в эпоху Елизаветы I, заложившей фундамент британского величия. Дипломатические таланты Резанова, его человеческая харизма и деловые качества способствовали расположению испанцев к взаимодействию. «Губернатор в доказательство искренности и с слабыми ногами танцевал у меня, и мы не щадили порошу ни на судне, ни на крепости, гишпанские гитары смешивались с русскими песельниками... не щадил я ничего, чтоб вперить в сей части света должное к российской нации уважение», — пишет Резанов. ⁵⁸ Ратуя за упрочение русских владений в Америке, он «отнюдь не по пылкой страсти» с готовностью пошел на «пожертвование судьбою», организовав свою помолвку с 15-летней дочерью коменданта крепости Сан-Франциско. ⁵⁹

⁵⁰ Там же. С. 152.

⁵¹ См.: Отношение Главного правления Российско-Американской компании главному правителю колоний А. А. Баранову о докторе Шеффере и общем направлении развития колонии Росс. С.-Петербург, 22 марта 1817 г. // Россия в Калифорнии... С. 249.

⁵² Россия в Калифорнии... С. 141.

⁵³ Там же. С. 156.

⁵⁴ Там же. С. 151.

⁵⁵ Там же. С. 148.

⁵⁶ Там же. С. 124.

⁵⁷ См.: Объяснительная записка Главного правления Российско-Американской компании графу К. В. Нессельроде о русском заселении в Калифорнии в связи с протестом Испании. С.-Петербург, 13 августа 1817 г. // Россия в Калифорнии... С. 255.

⁵⁸ Россия в Калифорнии... С. 146.

⁵⁹ Там же. С. 159.

Природно-географические, конфессиональные, политические, культурные факторы детерминировали своеобразие передовых рубежей колонизации — русскую (реализуемую РАК) и испанскую (государственную) модели освоения. Политика государства в отношении колонизации определила ее результат: оба фронта были поглощены волной американского продвижения на запад. Недостаточное внимание и поддержка потенциала развития новых территорий закономерно привели к изменению центра притяжения североамериканских земель: крайний восточный фронт Российской империи стал крайним западным фронтом бурно развивающихся Соединенных Штатов.

Промысловый императив являлся катализатором и начальным стимулом продвижения РАК в направлении Калифорнии. Довольно скоро вектор освоения сместился от сырьевого к производительному, что вело в перспективе к развитию коммерции и мануфактур. Несмотря на ограниченность успехов перехода от примитивных присваивающих форм экономики к аграрному производству и коммерческим отношениям, это были шаги в направлении модернизации, реализуемой через диффузию технологий и культурных ценностей западно-европейского происхождения. Масштабы этого перехода лимитировались малочисленностью колонистов, разбросанных небольшими вкраплениями по огромной территории, отделенной от метрополии большими пространствами моря и суши, а также их уязвимостью перед нападением местного населения и бостонцев.

В основе отношения к коренным жителям, безусловно, лежала их эксплуатация, но выде-

ляются более человечные взаимоотношения русских колонистов с местным населением и непреодолимая дистанция между испанскими колонизаторами и индейцами. Многопрофильная деятельность русских колонистов противопоставлялась современниками пассивности и непредприимчивости испанцев. С российской стороны главными акторами колонизации были промышленники, купцы, а колонизация носила преимущественно промысловый характер. Испанская колонизация Калифорнии велась военными и миссионерами и выражалась в земледельческом освоении территорий. И российские, и испанские поселения были укрепленными, но устройство и образ жизни в них заметно различались. Малочисленные русские поселения объединяли в себе административные, хозяйственные и прочие функции. В испанских президио сосредоточивалась военная и административная власть, в миссиях — миссионерство и земледелие.

Специфичная для России дилемма безопасности, выйдя, в случае Русской Америки, за пределы «естественных границ», была решена сознательным ограничением дальнейшей экспансии на континент, безоговорочные права на который в форме предупреждения правительству Российской империи со всей определенностью заявил в 1823 г. президент США Дж. Монро. «Сворачивание» калифорнийского фронта Россией и Испанией произошло практически одновременно — в 1840-е гг. Русские поселения в Калифорнии были проданы Д. Суттеру в 1841 г., а эпоха Русской Америки в целом завершилась с продажей Аляски США в 1867 г.

Elena V. Alekseeva

Doctor of Historical Sciences, Professor of the RAS, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: alekseeva167@mail.ru

DISTINCTIVE FEATURES OF THE NATIONAL FRONTIER: RUSSIA AND SPAIN ON THE PACIFIC COAST OF NORTH AMERICA

The article identifies specifics of the Russian and Spanish frontiers met at the Pacific coast of North America in the first decades of the 19th century. Based on instructions, reports, notes, diaries of seafarers visiting Russian and Spanish settlements during this period, prerevolutionary publications and contemporary works the author compares specific features of the Russian and Spanish borderlands, reveals characteristics of Russian and Spanish colonization. Historical documents prove that the international situation and natural conditions inclined the Russian expansion towards California, while the Spanish frontier would hardly resist it. Both Russian and Spanish models of colonization showed the state neglect of the urgent needs of remote colonies, specifically an increase in the number of colonists, creation of favorable living and working conditions, support for the development of various industries, and the expansion of regional trade. The result for both states

was almost simultaneous loss of the territories. The hunting imperative catalyzed the initial advance of the Russian-American company to the south, towards California, which became the limit of the eastern perimeter of the Russian Empire. Spanish colonization had a pronounced military, missionary and agricultural character. Despite the limited success of the transition from primitive appropriating forms of economy to agricultural production, commercial relations in Russian and Spanish cases, these were the steps towards modernization, implemented through the diffusion of new technologies and cultural values of Western European origin.

Keywords: *frontier modernization, Russian America, Spain, California, features of colonization*

REFERENCES

- Ageev A. D. *Sibir' i amerikanskiy zapad: dvizheniye frontirov* [Siberia and the American West: the movement of the frontiers]. Irkutsk: Irkutskii gosuniversitet Publ., 2002, 294 p. (in Russ.).
- Agranat G. A. [The first half-century of American domination in Alaska]. *Letopis' Severa* [Chronicle of the North]. Moscow: Geografiz Publ., 1962, vol. 3, pp. 223–238. (in Russ.).
- Akimov Yu. G. *Severnaya Amerika i Sibir' v kontse XVI — seredine XVIII vv.: ocherk sravnitel'noy istorii kolonizatsii* [North America and Siberia in the late 16th — mid-18th centuries: an essay on the comparative history of colonization]. Saint Petersburg: SPGU Publ., 2010, 369 p. (in Russ.).
- Alekseeva E. V. *Russkaya Amerika. Amerikanskaya Rossiya?* [Russian America. American Russia?]. Ekaterinburg: UrGI Publ., 1998, 255 p. (in Russ.).
- Alekseeva E. V. [The Eastern frontier]. *Problemy vyvavleniya i sokhraneniya pamyatnikov istorii osvoyeniya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov: tez. dokl. i soobshch. nauch.-prakt. konf. posvyashchennoy 350-letiyu vykhoda Rossii k beregam Tikhogo okeana (Yuzhno-Sakhalinsk, 17–18 oktyabrya 1989 g.)* [Problems of identifying and preserving monuments of the history of the development of Sakhalin and the Kuril Islands: abstracts of reports and messages of the scien.-pract. conf. dedicated to the 350th anniversary of Russia's access to the shores of the Pacific Ocean (Yuzhno-Sakhalinsk, October 17–18, 1989)]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1989, pp. 21–24. (in Russ.).
- Chernitsyn N. A. [Researcher of Alaska and Northern California Ivan Kuskov]. *Letopis' Severa* [Chronicle of the North]. Moscow: Geografiz Publ., 1962, vol. 3, pp. 108–121. (in Russ.).
- Golovnin V. M. *Puteshestviye vokrug sveta, sovershennoye na voyennom shlyupe "Kamchatka"* [Journey around the world, committed on a military sloop "Kamchatka"]. Moscow: Mysl' Publ., 1965, 383 p. (in Russ.).
- Istomin A. A. [Joint Russian-American hunting expeditions to California (1803–1812)]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1998, no. 8, pp. 105–113. (in Russ.).
- Meeting of Frontiers. Available at: <http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/mfdigcol.html>. (accessed: 04.05.2018). (in English).
- Poberezhnikov I. V. [Model of the frontier modernization in the history of Russia: conceptual interpretation]. *Modernizatsiya v usloviyakh osvoyeniya vostochnykh regionov Rossii v XVIII–XX vv.* [Modernization in terms of development of the Eastern regions of Russia in the 18th–20th centuries]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2012, pp. 16–27. (in Russ.).
- Rekonstruktsii mirovoy i regional'noy istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga* [Reconstruction of world and regional history: from universalism to models of intercultural dialogue]. Moscow: Akvilon Publ., 2017, 560 p. (in Russ.).
- Rezun D. Ya., Lamin V. A., Mamsik T. S., Shilovskiy M. V. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Amerki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: general and special]. Novosibirsk: IDMI Publ., 2001, 113 p. (in Russ.).
- Yefimov A. *Iz istorii velikikh russkikh geograficheskikh otkrytiy* [From the history of the Great Russian geographical discoveries]. Moscow: Nauka Publ., 1971, 297 p. (in Russ.).
- Zubkov K. I. [Eurasian challenge in the formation of Russian civilization]. *Ural'skiy istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 2 (59), pp.13–21. (in Russ.).